

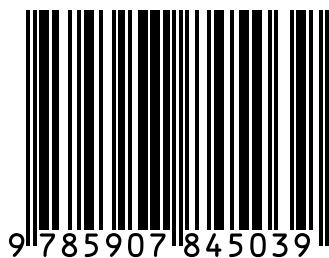
Валдай | Международный
дискуссионный клуб

Порядок-2040: взгляд молодого поколения на будущее мироустройство

Под редакцией Андрея Сушенцова

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-907845-03-9

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2024

Российская Федерация, 127051, Москва,
Цветной бульвар, дом 16/1

Об авторах

Кэндис Батье

магистр азиатских исследований Школы международных исследований имени С. Раджаратнама Наньянского технологического университета, Сингапур; магистрант факультета политики Китая, внешней политики и международных отношений Университета Цинхуа

София Датта

магистр Университета Циньхуа; магистр международных отношений Университета Джона Хопкинса

Полина Калугина

эксперт Центра анализа и продвижения результатов научных исследований МГИМО МИД России

Ирина Киселева

аналитик Института международных исследований МГИМО МИД России

Марк Макаров

студент магистратуры МГИМО МИД России

Адлан Маргоев

научный сотрудник Института международных исследований, преподаватель Факультета международных отношений МГИМО МИД России

Рупал Мишра

старший научный сотрудник, аспирант Центра исследований России и Центральной Азии Университета имени Джавахарлала Неру

Витор Моура

магистр Университета Циньхуа; директор Бразильско-китайской торговой палаты (Bracham); колумнист Observa China

Никита Неклюдов

преподаватель и заместитель декана Факультета международных отношений МГИМО МИД России

Артём Соколов

научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России

Андрей Сушенцов

программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», декан Факультета международных отношений МГИМО МИД России

Кан Тянь

аспирант факультета международных отношений Университета Цинхуа; научный сотрудник Центра по вопросам международной безопасности Университета Цинхуа

Чжан Хуэйминь

аспирант факультета политики и международных отношений Восточно-Китайского педагогического университета

Александр Чеков

научный сотрудник Института международных исследований и преподаватель Факультета международных отношений МГИМО МИД России

Люси Ченг Минг Гу

магистр международных отношений Университета Циньхуа

Чжоу Чжовой

аспирант Университета Циньхуа

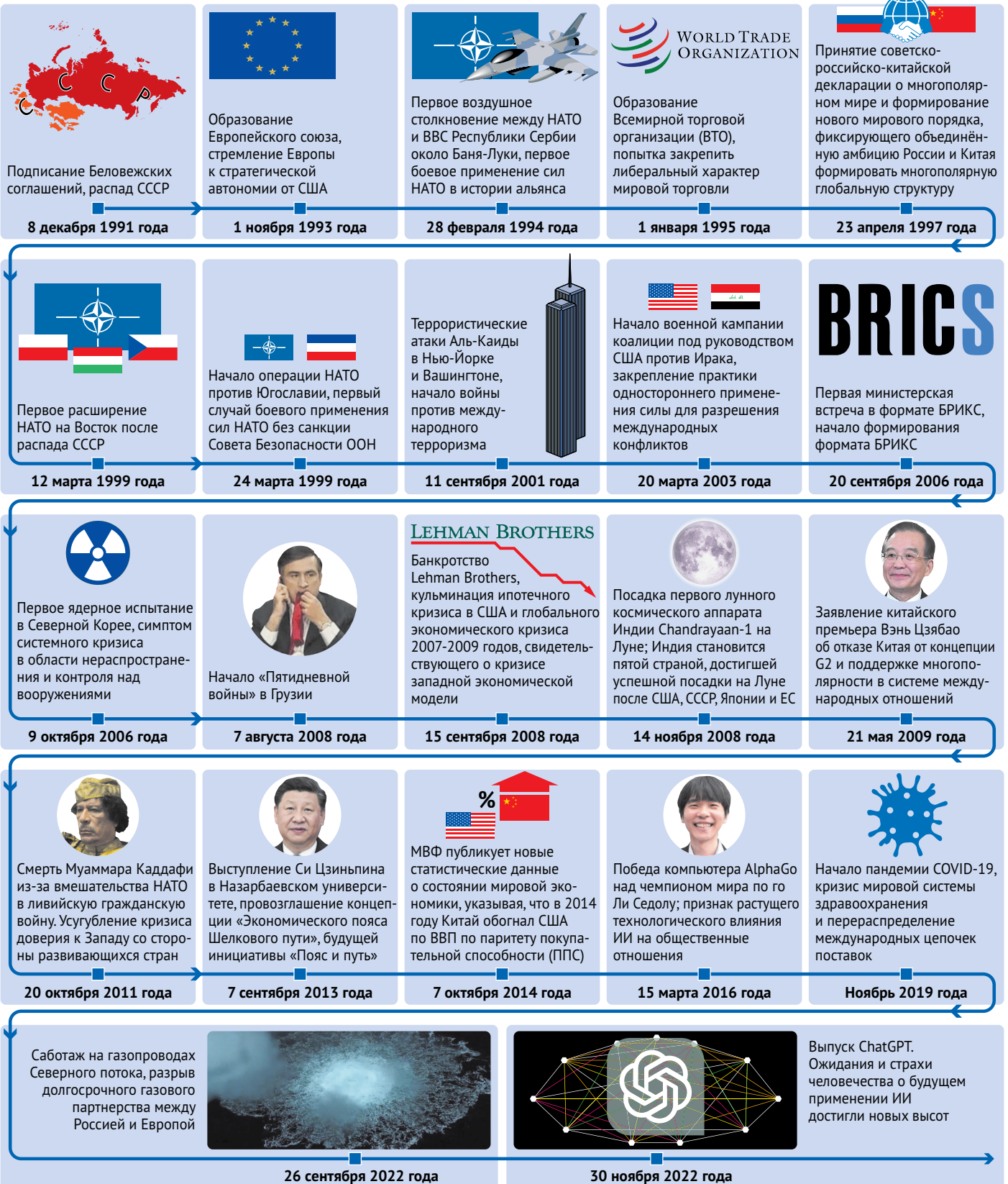
Под редакцией

Андрея Сушенцова

Содержание

5	Введение
7	Многополярность в 2040 году
11	Экономическое и технологическое развитие как константа двухосевой модели анализа миропорядка
12	Кризис неолиберальной модели глобализации
15	Научно-технологический и военный факторы в глобальном экономическом развитии
20	Контурь мирового экономического порядка к 2040 году
24	Ценности 2040 года
27	Основные выводы

КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ, СФОРМИРОВАВШИЕ ОСНОВЫ ТЕКУЩЕЙ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ, 1991–2023

СОБЫТИЯ, ОТ КОТОРЫХ БУДЕТ ЗАВИСЕТЬ СУДЬБА МИРОВОГО ПОРЯДКА БУДУЩЕГО (2040)

Мир станет другим, если...

- Все страны поддержат авторитет ООН и выразят приверженность принципам Устава ООН
 - Державы, обладающие военной мощью, будут участвовать в разоружении и контроле над вооружениями
 - Ведущие страны договорятся об определении терроризма и предпримут совместные действия по борьбе с ним
 - Страны разработают международные правовые нормы, регулирующие поведение в киберпространстве
- Страны возьмут на себя обязательства по борьбе с последствиями изменения климата
 - Страны будут готовиться к пандемиям будущего
- Технологии искусственного интеллекта станут двигателем прогресса в медицине и физике
- Все люди будут уважительно относиться к этнокультурным различиям и проявлять терпимость
- Страны укрепят сотрудничество в целях обеспечения глобальной продовольственной безопасности
 - Спорт и культура будут полностью деполитизированы
- Ресурсы и материальные блага будут справедливо распределяться между странами для решения проблемы бедности и неравенства

Мировой порядок будет зависеть от следующих факторов

Силовые факторы:

- Баланс сил между ведущими мировыми державами (США, Китай и Россия)
- Стремление укрепить влияние и стать самостоятельными центрами силы («полюсами») набирающих влияние крупных игроков (Индия, Турция и Бразилия) в новом асимметричном глобальном балансе сил
 - Способность ЕС достичь стратегической автономии от США
 - Сохранение роли США как военной сверхдержавы

Институциональные факторы:

- Готовность и способность элит ведущих держав мира создавать новые консенсусные институциональные рамки для нового мирового порядка
- Готовность незападных великих держав продвигать БРИКС и ШОС в качестве институциональной основы нового мирового порядка среди государств мирового большинства
 - Способность малых и средних государств укреплять свой потенциал и использовать институциональные ресурсы для сопротивления давлению крупных держав (по примеру АСЕАН)
- Вклад развивающихся стран и стран с формирующейся рыночной экономикой в мировое экономическое развитие
- Участие и представительство развивающихся стран в международных организациях

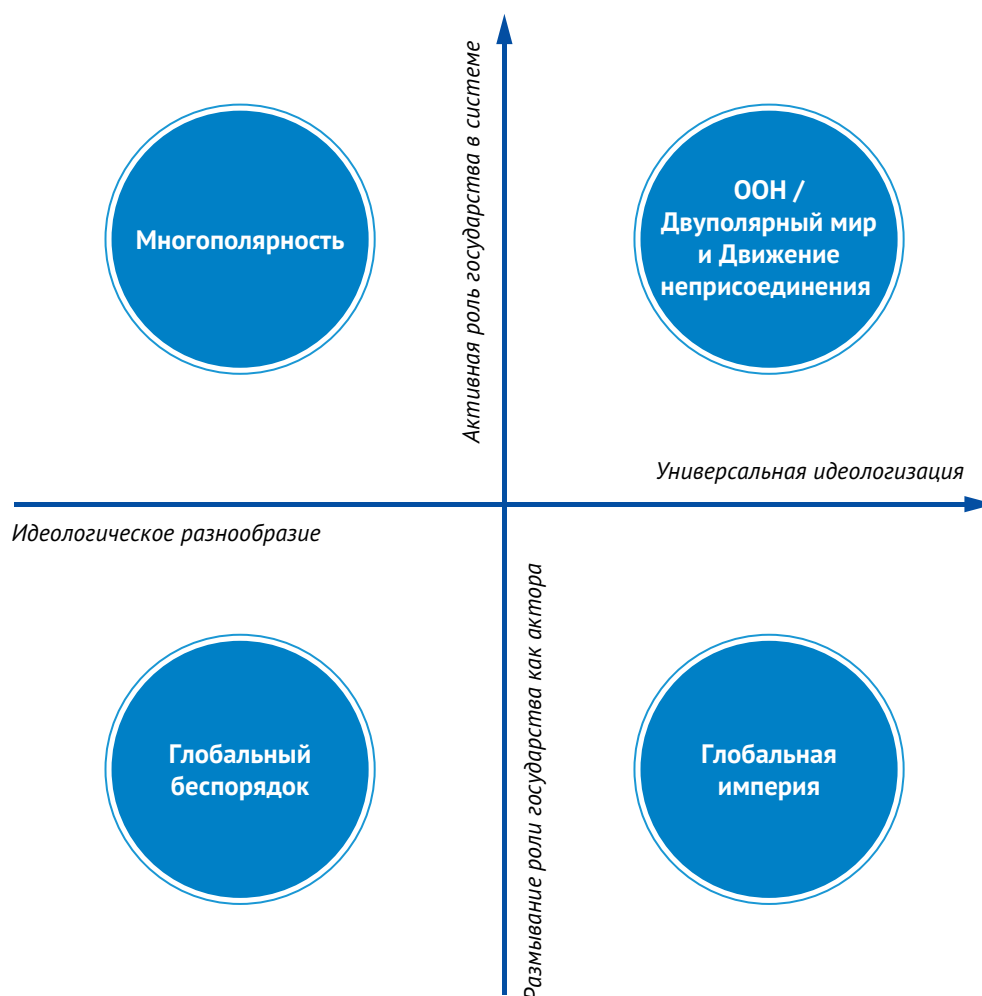
Политические события:

- Исход украинского конфликта
 - Применение ядерного оружия в военном конфликте
- Урегулирование палестино-израильского конфликта путём заключения мирного договора
 - Продолжение российско-китайского стратегического партнёрства
- Окончательный разрыв экономических связей между США и Китаем
 - Воссоединение Китая с Тайванем
 - Возможность военного конфликта между двумя Кореями
- Установление дипломатических отношений между Ираном и США

Введение

С момента окончания Второй мировой войны эволюция международного порядка во многом зависела от двух факторов: какую роль – активную или пассивную – играли государства за пределами своих границ и являлись ли они сторонниками идеи универсального глобального управления или других идей.

ЭВОЛЮЦИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Динамика послевоенного (после 1945 года) мирового порядка напоминает движение часовой стрелки. В первой четверти этого «циферблата миропорядка» государства активно отстаивали идею защиты будущих поколений от бедствий войны и построения лучшего мира. Страны стремились реализовать это стремление путём укрепления позиций на международной арене, зачастую посредством развития тесного сотрудничества в рамках военных блоков или создания экономических интеграционных объединений. 1960-е годы были отмечены стремлением к независимости, достижению полной автономии как внутри страны, так и на глобальном уровне. Мир, безопасность и процветание стали общими целями. Несмотря на различия, многие лидеры участвовали в соревновании между двумя господствующими

идеологиями – либеральным капитализмом и социализмом, основными проводниками которых были Соединённые Штаты и Советская Россия соответственно. Не разделявшие идеи идеологического соперничества страны пытались сохранить свою автономию и сформировали собственное сообщество в рамках Движения неприсоединения. Несмотря на столкновение универсалистских идей внутри блоков, на глобальном уровне существовала одна всеобъемлющая концепция, которая нашла своё воплощение в Организации Объединённых Наций, отличительной чертой которой было почти универсальное членство. В Уставе ООН отразилось стремление к миру и сохранению суверенитета.

На вторую четверть «циферблата» приходится период однополярности, когда США играли гегемона в рамках сложившегося неолиберального консенсуса. Распад социалистического блока создал идеологический и властный вакуум, который быстро заполнили Соединённые Штаты как лидер либерального капиталистического мира. Преимущества глобализации побудили многие страны постепенно сдать свой суверенитет и возложить обязанности по обеспечению благоденствия на мощное ядро формирующегося мира, а надзор за миропорядком – на американского мирового полицейского. Череду глобальных кризисов, включая финансовый кризис 2008 года и пандемию *COVID-19*, в сочетании с военными конфликтами, уходящими корнями в годы холодной войны, высветили недостатки в подходах к системе управления на национальном и глобальном уровнях. Неизбежным результатом неудач, с которыми столкнулся либеральный гегемонистский миропорядок, стало разочарование мирового большинства как в гегемонии, так и в её универсалистских ценностях и принципах. Неудивительно, что многие страны оказались в бурных водах: лишённые возможности действовать самостоятельно, они тем не менее стремились найти свой путь в том, что касается идей, идеалов и идентичности.

Этот беспокойный период неопределённости и нерешительности приходится на третью четверть «циферблата». Ответом на возникающие кризисы становится возврат государств к своим базовым идеологическим принципам. Возникший глобальный беспорядок характеризуется ростом напряжённости, всплесками насилия и неконтролируемой эскалацией по всему миру. Фрагментация мировой экономики после создания ВТО усугубляется протекционистскими мерами, принимаемыми странами, играющими ключевую роль в её развитии. Эти вызовы обостряются на фоне снижения способности государств действовать сообща, как это происходило ранее под эгидой Организации Объединённых Наций.

Несмотря на сохраняющиеся проблемы, стрелка часов продолжает двигаться, а мировой ландшафт становится более пёстрым и сложным. В глобальной политике появляются новые действующие лица, которые привносят новые глобальные проблемы, меняется темпоральность, характеризующаяся переходом от пост- к метамодернизму, виртуализацией и ускоренными темпами диверсификации. В свете данных событий возвращение мира к идеологическому единообразию или биполярной логике становится невозможным. В условиях идеологической диверсификации, определяющей траекторию оставшегося столетия, логичным подходом к преобразованию глобального беспорядка в переходную фазу является укрепление субъектности государств. Возможность решать свои проблемы самостоятельно и коллективно приобретает для стран ключевое значение. Эту точку зрения, которая находит всё большую поддержку в международном сообществе, в полной мере разделяют сторонники многополярного мира.

Многополярность в 2040 году

На протяжении многих лет западные политики выступали против многополярности как доминирующего принципа устройства глобальной системы. Они утверждали, что сокращение объёма власти, находящейся в распоряжении многочисленных акторов, снижает возможности глобальных и региональных игроков развязывать «войны всех против всех» в борьбе за доминирование. Согласно этой точке зрения, идеальный мир, часто представляемый как «рай на Земле»¹, достигим только в том случае, когда одна авторитетная структура поддерживает порядок, предотвращая возвращение в «джунгли»². В американской Стратегии национальной безопасности 1993 года прямо говорится, что у США нет иного выбора – кроме того, чтобы обеспечить такое видение для всего мира³.

В теории данная концепция, возможно, и выглядит обоснованной, однако практика показывает, что либеральный миропорядок во главе с США сформировался и функционировал далеко не естественным образом. Поддержание такого порядка часто требовало военных вмешательств – либо для ускорения преобразований с целью «демократизации» режимов, либо для поддержания стратегии балансирования в зарубежных странах⁴. Продвигая в качестве основного принципа «порядок, основанный на правилах», США в ходе конфликтов в Югославии (1999), Афганистане (2001) и Ираке (2003) показали своим союзникам и партнёрам, что американские политики заботятся не столько о создании справедливой и упорядоченной системы, сколько об утверждении своей гегемонии. Вскоре стало ясно, что ослабление этой гегемонии приведёт к возобновлению борьбы за власть по Томасу Гоббсу.

Ещё одно следствие вытекает из широко распространённого убеждения в том, что западные ценности могут стать основой прочного мира во всём мире при условии, что глобальные игроки, ранее ведущие себя агрессивно, откажутся от своей глубоко укоренившейся идентичности⁵. В 1990-е и в конце 2000-х годов набирающие влияние державы, в частности Россия и Китай, пользовались преференциями проводившейся под влиянием

¹ Kagan R. Of Paradise and Power. 2003. URL: https://open.lv/wp-content/uploads/2019/09/33518_121406.pdf; Bolton J. R. "Should We Take Global Governance Seriously?" // *Chicago Journal of International Law*. Vol. 1. No. 2 (Fall 2000). P. 205–222.

² Kagan R. *The Jungle Grows Back*. N.-Y.: Alfred A. Knopf, 2018.

³ The National Security Strategy (1993). National Security Strategy Archive. URL: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-1993/>

⁴ Posen B. *Restraint*. Cornell Studies in Security Affairs, 2014.

⁵ Тренин Д. *Новый баланс сил. Россия в поисках внешнеполитического равновесия*. Москва: Альпина Паблишер. 2021. С. 42.

Запада глобализации. Однако на фоне нынешнего заката гегемонии США не-многое указывает на то, что крупные державы будут и дальше безоговорочно поддерживать эту политику. Историческая память не позволяет забыть об обратной стороне *Pax Americana* – его влиянии на принятие политических решений, об экономическом неравенстве и, самое важное, о возможности использовать эти дисбалансы в качестве оружия. Поскольку современные государства не могут и не хотят брать на себя ответственность за всю глобальную систему, можно предположить, что в 2040 году мир будет опираться на несколько систем поддержания порядка.

Многополярность не означает возврата к миру, отличительной чертой которого является наличие государств, как в XX веке. Она также не означает, что в XXI веке в мире будет действовать множество акторов, а концепция государства, как некогда предполагалось, исчезнет как таковая.

Многополярный ландшафт 2040 года будет напоминать песочницу, в которой государство будет предлагаться лишь как один из возможных вариантов, хотя по-прежнему наиболее востребованный. Именно этим можно объяснить снижение роли глобальных институтов, основанных на нормах государствоцентричного миропорядка, в первую очередь ООН⁶.

В 2040 году государству будет отведена новая роль. В мире с обостряющейся конкуренцией за ресурсы и влияние в отсутствие державы-гегемона суверенитет станет для государств дефицитным товаром. Этот сдвиг приведёт к тому, что в уходящем Вестфальском мире государство будет рассматриваться скорее как привилегия, чем автоматическое право. Если жители России, Китая, Ирана, Турции, Саудовской Аравии и Индии⁷ по-прежнему отдают предпочтение государственному управлению⁸, опросы в западных странах показывают, что доверие людей к государству в последнее время упало до исторического минимума⁹. Это позволяет предположить, что некоторые государствоцентричные образования останутся активными субъектами в формирующемся мировом порядке. В то время как другие будут представлять из себя некие транснациональные объединения с размытыми границами, порождая тем самым конкуренцию между суверенными государствами.

⁶ Do People Trust the UN? A Look at the Data. URL: <https://theglobalobservatory.org/2023/02/do-people-trust-the-un-a-look-at-the-data/#:~:text=A%20global%2Dlevel%202020%20survey,27%20percent%20that%20does%20not>

⁷ Sullivan J. The Sources of American Power // The Foreign Affairs. 2023. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/sources-american-power-biden-jake-sullivan>.

⁸ Edelman. The 2023 Edelman Trust Barometer. P. 43. URL: <https://www.edelman.com/trust/2023/trust-barometer>

⁹ American democracy is cracking. These forces help explain why // The Washington Post. 08.18.2023. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2023/08/18/american-democracy-political-system-failures/>

Это свидетельствует о том, что концепция современного государства, сформированная под глубоким влиянием идей Гоббса и Локка, сохранит свою актуальность и через пятнадцать лет, способствуя возрождению суверенистских движений, возглавляемых как глобальными державами (США, Россия и Китай), так и региональными игроками (Турция, Иран и Саудовская Аравия)¹⁰. Эти страны будут формировать ландшафт глокализации, укрепляя и налаживая прочные связи в определённых географических границах. Данная тенденция станет серьёзной альтернативой распространённому в 1990-е годы представлению о глобальной экономической и политико-идеологической сфере.

Международные акторы, разочарованные провалом *Pax Americana* в 2020-х годах, сделают приоритетом суверенизацию своих регионов, что приведёт к формированию всеобъемлющих техноэкономических блоков, в которых они будут обладать политической властью. В ходе разрастания глокализации регионы, лишённые суверенитета, станут ареной конкуренции между этими блоками. Отказавшиеся от принципа принадлежности тому или иному государству жители предпочтут глобальные гражданские общества и будут заселять эти пространства, пользуясь политическими и экономическими преимуществами, которые предлагают эти блоки. Вопрос в том, удастся ли им обеспечить экономическую, продовольственную и физическую безопасность, которая обычно гарантируется государством.

В изменяющемся геополитическом ландшафте произошло переформатирование международных организаций (МО). В период би- и однополярности государства постепенно перенацелили международные организации на достижение конкурентных целей. В перспективе многополярного мира 2040 года вероятна дальнейшая диверсификация МО и их превращение в многофункциональные платформы по типу БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества. Такие международные институты мезоуровня будут взаимодействовать, преодолевая разногласия и развивая сотрудничество между государствами на более инклюзивной и плюралистической основе. Несмотря на дублирование функций, у международных организаций остаются широкие возможности для развития глобального и регионального сотрудничества. Одним из примеров такого плодотворного взаимодействия является гармонизация инициативы «Пояс и путь» с проектами Евразийского экономического союза.

В связи с этим следует отметить проблемы компетенции и эффективности Организации Объединённых Наций, главной межправительственной международной структуры в современном мире. Недостаточное

¹⁰ Zakaria F. The Self-Doubting Superpower // The Foreign Affairs. 2024. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/self-doubting-superpower-america-fareed-zakaria>

использование потенциала ООН проявлялось в ходе глобальных пандемий и региональных конфликтов, при решении вопросов продовольственной безопасности, изменения климата и других. В мире 2040 года, претерпевшем существенные изменения со времени создания ООН, организации предстоит решать серьёзные задачи, чтобы сохранить свой авторитет, широкое представительство и универсальный характер.

В 2040 году ООН останется главной международной организацией в области глобального управления и будет играть важную роль центрального органа по координации действий различных международных объединений. С учётом требования многих развивающихся стран и стран с формирующейся экономикой в рамках многополярного мира реформирование ООН будет продолжено. Преобразования позволят организации полностью раскрыть свой потенциал и играть ключевую роль при решении сложных задач, связанных с региональными конфликтами, торговлей, финансами, охраной окружающей среды, продовольственной безопасностью и здравоохранением.

Изменение климата становится глобальной проблемой с экзистенциальными последствиями и представляет угрозу для всего мира. В отличие от других международных вызовов, включая распространение ядерного оружия или использование искусственного интеллекта в военных целях, изменение климата оказывает негативное воздействие на все государства. Несмотря на то что проблема изменения климата в числе других включена в Цели устойчивого развития¹¹ ООН, готовность стран действовать сообща различна и часто обусловлена личными интересами.

Серьёзные климатические изменения, свидетельством чего являются зафиксированные в 2023 году¹² рекордные температуры, будут способствовать налаживанию сотрудничества между формирующимися блоками. Эти изменения представляют собой общую проблему, которая поможет объединить усилия всех государств независимо от идеологических различий, о чём будет сказано ниже в данной работе.

Миропорядок 2040 года включает параллельные тенденции, в рамках которых усиление суверенитета (или многополярность) гармонично сосуществует с глобальной торговлей, экономической взаимозависимостью, разделением труда и приверженностью универсальным солидаристским принципам. Современная модель многополярного мира отличается

¹¹ THE 17 GOALS - Sustainable Development - the United Nations. URL: <https://sdgs.un.org/goals>

¹² WMO confirms that 2023 smashes global temperature record. World Meteorological Organization. URL: <https://wmo.int/media/news/wmo-confirms-2023-smashes-global-temperature-record#:~:text=Six%20leading%20international%20datasets%20used,December%20set%20new%20monthly%20records>

от исторических реалий 1940-х годов, которые вызывали обеспокоенность у политических философов, в частности Раймонда Арона и Ганса Моргентау. Многополярность 2040 года сохранит элементы предыдущего миропорядка, в особенности эволюцию роли государства. Государство превратится в привилегию и перестанет быть абсолютной и неизбежной данностью. Многие общества утратят свой суверенитет, не пережив глобализации 1990–2020-х годов, проходившей под лозунгом отказа от государственности в пользу глобальной наднациональной солидарности. А те, кому удастся сохранить суверенитет, будут стимулировать глобализацию, формируя локализованные суверенные блоки, контролирующие безопасность, экономику и систему ценностей. Более подробно эта тема будет раскрыта в следующих частях нашего доклада.

Экономическое и технологическое развитие как константа двухосевой модели анализа миропорядка

В ходе регулярных изменений, происходящих в миропорядке в результате деятельности государств и господствующих идеологий (универсализма или индивидуализма), экономическое и технологическое развитие всегда было для государств первоочередной задачей. Его основные движущие силы – устойчивый экономический рост и технологический прогресс – обеспечивают приемлемый уровень жизни населения, что является главной целью любого государства. Действия национальных правительств как в экономической сфере, так и во внешней политике направлены на долгосрочное развитие и повышение общественного благосостояния. Степень удовлетворённости уровнем жизни выступает важным показателем доверия общества к существующим институциональным структурам и политическому руководству. Таким образом, экономическое и научное развитие являются постоянными элементами в чётко определённой двухосевой модели анализа мирового порядка.

Траектория мирового экономического развития прошла множество этапов, каждый из которых характеризовался различной степенью государственного участия и доминирующими идеями, построенными на универсализме или индивидуализме. Двухосевая модель служит

основой для определения особенностей развития как в отдельных национальных экономиках (микроуровень), так и в глобальной экономической системе (макроуровень). Например, Вашингтонский консенсус олицетворяет модель национального экономического развития при минимальном вмешательстве государства и подчёркнуто универалистских ценностях. В рамках разработанной матрицы микроуровневого анализа этот образец соответствует второму сектору (2. Глобальная империя). Таким образом, на макроуровне Вашингтонский консенсус соответствует неолиберальной модели глобализации, характеризующейся аналогичными параметрами во втором секторе – преобладанием универалистских идей и сокращением государственного вмешательства в экономику. Напротив, «модели развития с национальными особенностями» предусматривают индивидуалистские ценности и отражают различную степень государственного вмешательства в разных странах. Например, данный подход проявляется в Пекинском и Делийском консенсусе, а также в модели развития новых индустриальных стран. В разработанной системе координат на микроуровне данные модели занимают положение, противоположное Вашингтонскому консенсусу. На макроуровне неолиберальная модель глобализации контрастирует с видением нового мирового экономического порядка¹³ и принципом многополярности в складывающейся конфигурации мировой экономической системы. Эти факторы соответствуют четвёртому сектору двухосевой модели – многополярности.

Кризис неолиберальной модели глобализации

В последние десятилетия в мировом экономическом развитии превалировала неолиберальная модель глобализации, основанная на принципах принудительной интеграции, открытия рынков, снижении государственного участия в экономике и других. Однако с 2008 года стали проявляться тенденции, отражающие кризис этой модели, в котором отмечается несколько этапов¹⁴.

После 2008 года термин «слоубализация» («замедленная глобализация») стал использоваться для описания новых особенностей

¹³ Концепция мировой экономической системы, основанной на принципах равенства и справедливости, разработанная в 1970-е годы на платформе ООН «Группой 77» (страны Азии, Африки, Океании, Латинской Америки и некоторые другие).

¹⁴ Спартак А.Н. Переход к новому мировому экономическому порядку: этапы, ключевые черты, вызовы и решения для России // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 7. С. 7–29.

ЭТАПЫ ТРАНСФОРМАЦИИ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Источник: составлено авторами

глобализации¹⁵, в частности тенденции усиления протекционизма, сокращения объёмов мировой торговли и более широкого применения ограничительных мер. Одновременно набирает обороты кризис неолиберальной модели глобализации. Если период после глобального финансового кризиса 2008–2009 годов был отмечен постепенным введением протекционистских мер и фрагментацией торгового и экономического сотрудничества (начиная с мегарегиональных соглашений типа ТТП и ВРЭП вплоть до торговых войн между Китаем и Соединёнными Штатами), то после пандемии *COVID-19* началось физическое раздробление мира (закрытие границ, реконфигурация глобальных производственно-сбытовых цепочек и размещение производств в ближнем зарубежье). Эскалация геополитического кризиса в 2022 году вызвала «всеобщую фрагментацию», характеризующуюся: 1) введением беспрецедентного числа ограничительных мер (прежде всего антироссийских санкций), обеспечивающих консолидацию чрезвычайно дифференцированного и фрагментированного мирового экономического порядка; 2) нарушением цепочек поставок из-за введения санкций; 3) волатильностью глобальных секторальных рынков; 4) ускоренной цифровизацией наряду с ростом значимости инноваций и технологий для экономического роста; 5) новым этапом гонки

¹⁵ Titievskaja J. et al. Slowing down or Changing Track. Understanding the Dynamics of “Slowbalization”. Brussels: European Parliamentary Research Service, 2020.

вооружений. Для описания текущего этапа кризиса неолиберальной модели глобализации часто используется термин «пермакризис»¹⁶ (соединение двух английских слов *permanent* и *crisis*, буквально – «постоянный кризис»), подразумевающий продолжительный период нестабильности и волатильности с большим количеством рисков.

На фоне кризиса неолиберальной модели глобализации наблюдается подъём региональных держав и стран незападного мира. Государства с развивающейся и переходной экономикой увеличили свою долю в мировом ВВП с 40 процентов в начале 1980-х годов до 65 процентов сегодня. К 2022 году на долю стран «Группы двадцати» (G20) приходилось около 73 процентов мирового ВВП по ППС¹⁷; при этом доля G20 без G7 достигла 42,7 процента мирового ВВП по ППС (Китай 18,5 процента, Индия 7,2 процента, Россия 3,2 процента и Индонезия 2,5 процента). Более того, страны с развивающейся и переходной экономикой демонстрируют намного более высокие темпы роста по сравнению с развитыми западными странами, что отражает, во-первых, постепенный закат западной модели экономического развития, во-вторых, богатый ресурсный и демографический потенциал развивающихся стран и, в-третьих, актуальность и эффективность незападных моделей экономического развития в современных условиях.

Подъём стран с развивающейся экономикой, с одной стороны, даёт им возможность усилить позиции на мировой политической арене и постепенно сформировать вокруг себя новые полюса, а с другой – стимулирует процессы регионализации и региональной интеграции. Размещение производств в ближнем зарубежье (формирование производственно-сбытовых цепочек в географически близких странах) усиливает географическую концентрацию промышленности и ускоряет региональную интеграцию в нежёсткой форме (преобладание соглашений о свободной торговле без создания общих институтов). Например, число региональных торговых соглашений, не превышавшее пяти в начале 1970-х годов, возросло до 361 к январю 2024 года¹⁸. Следовательно, процесс постепенного распространения фрагментации на новые области и его углубление совпадает с тенденцией территориального и географического раздробления мира.

¹⁶ Spricer A. If 'permacrisis' is the word of 2022, what does 2023 have in store for our mental health? // The Guardian. 30.12.2022. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/dec/30/permacrisis-word-of-2022-2023-mental-health>

¹⁷ Эти расчёты не включают в себя ЕС как интеграционное объединение; вместе с ЕС доля G20 в глобальном ВВП по ППС превышает 85 процентов. Также не включён Африканский союз, ставший членом G20 в сентябре 2023 года.

¹⁸ Regional Trade Agreements // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/region_e.htm#:~:text=As%20of%201%20January%202024%2C%20361%20RTAs%20were%20in%20force

Научно-технологический и военный факторы в глобальном экономическом развитии

На текущем этапе мирового развития научно-технический сектор становится основным фактором экономического роста, который повышает конкурентоспособность национальных экономик и отраслей, стимулирует производительность труда и снижает затраты. По данным Института статистики ЮНЕСКО, валовые внутренние расходы на научные исследования и разработки (НИОКР) (в процентах от ВВП) в мире увеличились с 1,6 в 2008 году до 1,72 в 2015 году и до 1,93 в 2021 году. На первый план выходят такие технологии, как искусственный интеллект, большие данные, интернет вещей, цифровые финансы, аддитивные технологии, роботизация, военное развитие, зелёные технологии, биотехнологии, геномная инженерия.

Наблюдается тенденция к фрагментации научно-технической сферы, что приводит к формированию отдельных научно-технических блоков, основанных на схожих ценностях и идеях, а также на совпадающих приоритетах в военно-политической области. Например, в число лидеров в сфере создания собственных моделей искусственного интеллекта входят Россия, Соединённые Штаты и Китай. У каждой из этих стран есть и свои разработки в области операционных систем и цифровых технологий, которые могут обеспечить формирование технологических экосистем. Темпы выхода на глобальные рынки у разработок Москвы, Вашингтона и Пекина разнятся, и их популярность дифференцирована географически: российские технологии широко используются в бывших советских республиках, китайские – в азиатских странах, тогда как американские технологии, доминировавшие на мировом рынке на протяжении многих лет, постепенно теряют популярность. Идёт постоянная борьба за новые рынки, в первую очередь в Африке и Латинской Америке. Цифровое разнообразие глобального пространства проявляется в использовании различных интернет-платформ в разных регионах. Более того, происходит фрагментация в рамках отдельных технологических блоков: на основе идеологических предпочтений формируются отдельные интернет-сообщества, в которых преобладают определённые информационные повестки дня. Данный тип многоуровневой фрагментации приводит к возникновению

информационных пузырей, что способствует появлению неполных данных и распространению необъективной информации.

Разрастание цифровизации создаёт угрозы для государственного суверенитета и субъектности. Инновационные разработки без привязки к какому-либо государству распространяются по всему миру с огромной скоростью. Эта тенденция находит отражение в цифровых финансах: аналитики прогнозируют, что к концу десятилетия глобальный рынок криптовалют увеличится в 2,5 раза с 4,67 миллиарда долларов США в 2022 году до 11,7 миллиарда долларов США в 2030 году. Кроме того, по данным исследования *Huobi Research*, число пользователей криптовалют в мире стремительно растёт: 101 миллион в 2020 году, 295 миллионов в 2021 году, 320 миллионов в 2022 году (40 процентов из них проживают в Азии)¹⁹. Популярность цифровых валют, с одной стороны, минимизирует риски на уровне национальных экономик, а с другой – ослабляет государственную монополию в сфере денежно-кредитной и валютной политики. В результате государства вынуждены разрабатывать меры контроля и регулирования цифровой сферы, включая финансы. Следует отметить, что в условиях повсеместной цифровизации государство действует в своих физических географических границах, напоминая нам о том, что мы живём в мире не социальных сетей, а суверенных государств с собственными системами правового регулирования.

В число рисков входит также связанная с научно-технологическим прогрессом асинхронность, обусловленная дифференцированными условиями доступа к инновационным разработкам и способностями генерации НИОКР. В каждой стране технологические разработки осуществляются с учётом национальных потребностей и ресурсных возможностей, поэтому модели инновационного и технологического развития в мире существенно различаются: в США исторически преобладает стратегия наращивания (независимое создание фундаментальных и прикладных разработок); Китай, Индия и Бразилия делают упор на стратегии заимствования (полагаясь на зарубежный опыт при создании НИОКР с собственной модернизацией); большинство развивающихся стран отдают предпочтение стратегии трансфера (ориентация на зарубежный опыт). С одной стороны, современные инновационные разработки открывают большие возможности для минимизации экономического и технологического неравенства, но с другой – требуют усилий по интеграции новых технологических элементов в экономические системы и создают серьёзные вызовы в плане потенциальной замены человека в важных отраслях. Этот фактор делает будущую динамику глобального развития гораздо менее предсказуемой.

¹⁹ Huobi Research. Global Crypto Industry Overview and Trends // Huobi Research: 2022–2023 Annual Report. 8.12.2022. URL: <https://research.huobi.com/#/ArticleDetails?id=356>

Цифровая сфера приносит ещё одну угрозу, связанную с появлением цифровой многополярности, а именно – превращение информации в оружие. Это изменение в глобальной динамике сил обусловлено тем, что государства вступают в ожесточённую конкуренцию за формирование нарративов и норм в области цифровых технологий. В отличие от традиционных структур власти, цифровая многополярность характеризуется разнообразным и противоречивым видением глобального миропорядка в эволюционирующем ландшафте информационных и коммуникационных технологий. Данное явление, выходящее за государственные границы, представляет собой попытку государств совместными усилиями установить консенсус, который соответствовал бы их собственному представлению о принципах глобального цифрового порядка. Это подчёркивает преобразовательное воздействие цифрового ландшафта на создание нарративов, которые затрагивают весь мир, пересекая географические границы.

В асимметричной цифровой глобальной среде концепция «цифрового суверенитета» сложна и оценивается неоднозначно. Влиятельные державы используют её как инструмент для контроля над цифровой сферой, а менее влиятельные – для борьбы с существующим дисбалансом сил. Напряжённость вокруг цифрового суверенитета затрагивает и более широкие вопросы – глобальные нормативы, контроль за информацией и государственная автономия.

Принцип цифровой исключительности наряду с возникновением новых геополитических центров власти (например, принятие Китаем концепции цифрового суверенитета) осложняет дискурс²⁰. Россия²¹, Индия²² и Вьетнам²³ используют подобные нарративы для защиты прав и обеспечения безопасности граждан. Траектория развития цифрового суверенитета говорит о том, что государства всё более активно утверждают свои права и обязанности в киберпространстве и разрабатывают международные документы, подтверждающие важность этой проблемы. По мере развития технологий дискуссии о масштабах и реализации цифрового суверенитета будут продолжаться, формируя ландшафт, в котором нациям придётся выбирать между утверждением своего суверенитета и участием в совместных глобальных инициативах по решению общих проблем в цифровой сфере.

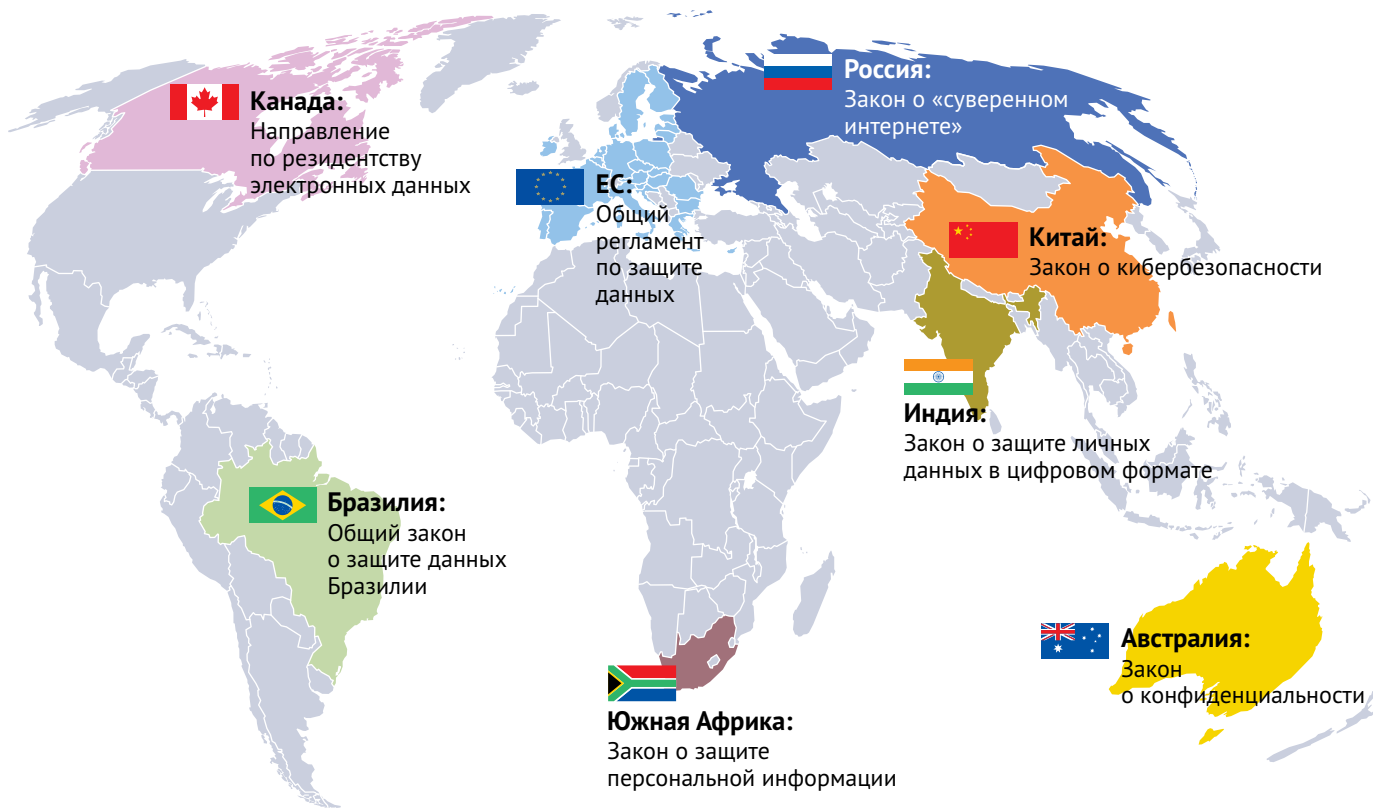
²⁰ Национальная стратегия безопасности в киберпространстве 2016 года подчёркивает, что «национальный суверенитет распространяется на киберпространство» и рассматривает суверенитет в киберпространстве как важную часть национального суверенитета.

²¹ Закон о «суверенном интернете» (№ 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”»), 2019.

²² Digital Data Protection Act, 2023.

²³ The Law on Cybersecurity, 2018.

КЛЮЧЕВЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ О ЗАЩИТЕ ДАННЫХ И СУВЕРЕНИЗАЦИИ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Источник: составлено авторами. Приведённый список не является исчерпывающим

Кроме того, следует отметить тенденцию к сближению гражданских и военных технологических разработок, что является признаком нового этапа гонки вооружений. В отличие от предыдущего противостояния, которое в основном касалось ракет с ядерными боеголовками, новый этап выглядит куда более всеобъемлющим. Соперничество будет охватывать взаимосвязанный технологический массив, включающий искусственный интеллект, биотехнологии, автономные и автоматизированные системы, квантовые технологии и технологии направленной энергии, которые развиваются в тесном взаимодействии, усиливая друг друга. Развитие лишь одного технологического компонента не позволит вырваться вперёд; во взаимосвязанном и взаимозависимом мире для выхода на лидирующие позиции необходимым условием является интегрированная разработка всех технологических компонентов. При этом самые передовые технологические решения, обеспечивающие конкурентное преимущество, будут в основном применяться в гражданской сфере.

Меняющийся ландшафт глобальной безопасности в эпоху после Второй мировой войны свидетельствует о переходе от обычных военных угроз к появлению нетрадиционных вызовов безопасности. Технологические

ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В МИРЕ

Динамика вооруженных конфликтов за период 1946–2022 гг.

Источники: данные о смертях в боях Lacin & Gleditsch (2005);

данные о вооруженных конфликтах UCDP/PRIO; данные о смертях, связанных с боями UCDP (Davies et al., forthcoming)

достижения, особенно в области информации и кибернетики, а также в сфере данных, теперь играют ключевую роль в формировании внешних угроз, с которыми сталкиваются страны. Хотя терроризм и не является постоянным явлением в мировом масштабе, его долгосрочное воздействие на отдельные регионы способно нарушить нормальную дипломатическую и экономическую деятельность и существенно затруднить региональное сотрудничество и развитие.

В мире 2040 года увеличение числа международных игроков подчёркивает важность сохранения бдительности в отношении нестандартных угроз безопасности. Это вызвано использованием в военных целях новых технологий и диверсификацией военно-технического потенциала, что способствует росту напряжённости на глобальном уровне. В результате число военных конфликтов будет возрастать, увеличится их разнообразие, характер боевых действий также претерпит изменения (см. рис. выше).

Впоследствии миропорядок будет характеризоваться преобладанием слегка модифицированной версии парадокса «стабильность – нестабильность». С одной стороны, ядерное оружие сохранит свой статус

главного средства сдерживания для предотвращения тотальной войны (хотя его роль снизится), а с другой – оно по-прежнему будет неспособно предотвратить ограниченную агрессию. В таких условиях противостояние перейдёт в другие области. Приоритет будет отдан подпороговым действиям без открытой военной агрессии: информационному противоборству, саботажу и использованию «прокси» вместо собственных вооружённых формирований. Однако для достижения своих целей государства смогут совмещать не прямые действия с непосредственным применением силы ограниченного характера. Основной тенденцией в динамике военно-политического противостояния станет испытание пределов невоенного влияния на врага (гибридная война) с одновременным повышением готовности к применению обычных вооружений.

Количественный аспект гонки вооружений также сохранится: стремясь укрепить свою мощь на мировой арене, страны будут последовательно наращивать свой военный потенциал и увеличивать военные расходы.

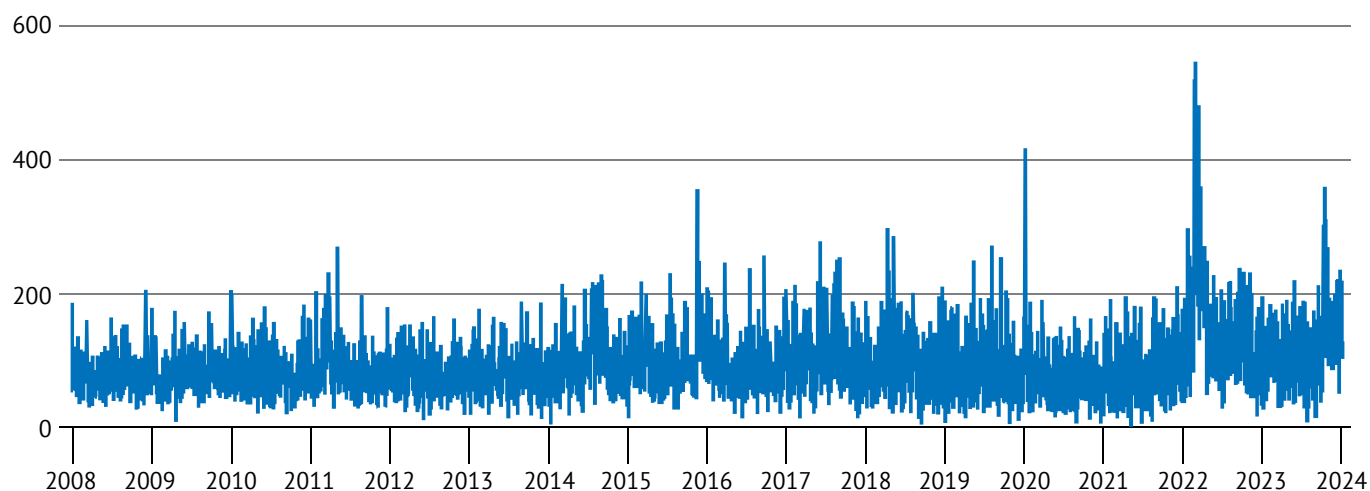
Контурь мирового экономического порядка к 2040 году

Новый мировой экономический порядок, который, как ожидается, возникнет к 2040 году, будет характеризоваться следующими параметрами:

1. *Многоуровневая фрагментация.* Региональная фрагментация мира, ускоренная региональной интеграцией, будет сопровождаться фрагментацией в области экономики, науки и технологий на основании общих ценностей и идеологической близости. В последние два года параллельно с процессом размещения производств в ближнем зарубежье происходил перенос производств в дружественные страны, то есть в страны, которые придерживаются схожих принципов устройства мировой политики²⁴. В будущем этот процесс активизируется в связи с разделением мира на научно-технологические блоки. Кроме того, различные ограничительные меры (включая санкции) будут стимулировать формирование новых конфигураций в цепочках поставок и торговле.

²⁴ Лисоволик Я. Новая парадигма: френдшоринг // РСМД. 17.02.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-paradigma-frendshoring/>

ИНДЕКС ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ (2008–2024)

Источник: Caldara, Dario and Matteo Iacoviello (2022), "Measuring Geopolitical Risk", American Economic Review, April, 112(4), pp. 1194–1225.

2. *Национальные экономики и международный бизнес привыкают к постоянным рискам разного рода.* Мир становится не только более фрагментированным, но и более сложным и взаимосвязанным, где одна проблема порождает другую. Скорость появления новых рисков (зачастую геополитического характера) постепенно увеличивается, вынуждая национальные экономики и многонациональные корпорации пересматривать свои стратегии и модели развития с учётом меняющихся обстоятельств. Таким образом, постоянный кризис становится привычным явлением для национальных экономик, которые начинают всё быстрее адаптироваться к новым вызовам. На фоне постпандемического кризиса 2020 года и кризиса 2022 года, развившегося в условиях геополитической напряжённости, мировая экономика быстро стабилизировалась и практически уже на следующий год перешла в стадию роста, а национальные экономики и международный бизнес успешно реструктурировали свои модели развития с учётом накопленного опыта. Например, ситуация в России в условиях масштабного санкционного давления остаётся стабильной благодаря принятию соответствующих антикризисных мер (легализация параллельного импорта, импортозамещение, ответные санкции и так далее).

3. *Асинхронная экономическая многополярность.* Эта особенность структуры мировой экономики соответствует многополярной системе в рамках двухосевой модели анализа мирового порядка (четвёртый сектор). Конфигурация нового мирового экономического порядка и баланс сил будут

определяться посредством комплексной оценки потенциала крупных стран, включающей следующие параметры:

- экономический потенциал;
- привлекательный культурный и идеологический проект для продвинутого взаимодействия;
- демографический потенциал (количественный фактор и развитие человеческого капитала);
- природные ресурсы (концентрация критически важных минеральных и топливных ресурсов);
- военный потенциал (количественные и качественные аспекты);
- научно-технический фактор.

С учётом вышеизложенных компонентов можно создать типологию ключевых потенциальных полюсов полицентричного экономического порядка (см. рис. ниже).

Полицентричность нового мирового порядка будет носить асинхронный характер. Несмотря на постепенное возрастание роли незападных держав, уже сейчас можно отметить чёткий тренд к концентрации власти вокруг определённых полюсов, в частности Китая и Соединённых Штатов в экономической области, а также России, Китая и Соединённых Штатов в военно-политической сфере. На Китай и Соединённые Штаты в совокупности приходится 42 процента глобального общего номинального ВВП; 34 процента глобального ВВП по ППС; 55 процентов глобальных расходов на НИОКР; и 53 процента глобальных расходов на оборону (по текущим ценам).

4. *Повсеместная цифровизация.* Этот процесс будет расширен, углублён и отмечен ускорением создания новых прорывных технологий. Автоматизация производственных мощностей и внедрение цифровых технологий будут способствовать блоковому характеру технологического развития.

5. *«Вепонизация».* Устойчивый тренд к размыванию границ между гражданскими и военными технологиями продолжится. Тенденция к интегрированному развитию технологических компонентов сохранится, а границы невоенного воздействия на противника будут расширены²⁵.

²⁵ См. также: Farrell H., Newman A.L. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // *International Security*. 2019. Vol. 44 (1). P. 42–79.

ТИПОЛОГИЯ ЦЕНТРОВ СИЛЫ НОВОГО ПОРЯДКА

Типы

Военно-политические центры силы

Полюса

Особенности

Каждая из трех стран имеет собственный ценностно-идеологический проект продвинутого взаимодействия: США — неолиберальная модель глобализации, Китай — «Пояс и путь», Россия — локомотив интеграции на постсоветском пространстве (ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, Союзное государство) и ряд трансрегиональных проектов (БРИКС, ШОС)

Россия (как наследница СССР) и США — две бывшие сверхдержавы

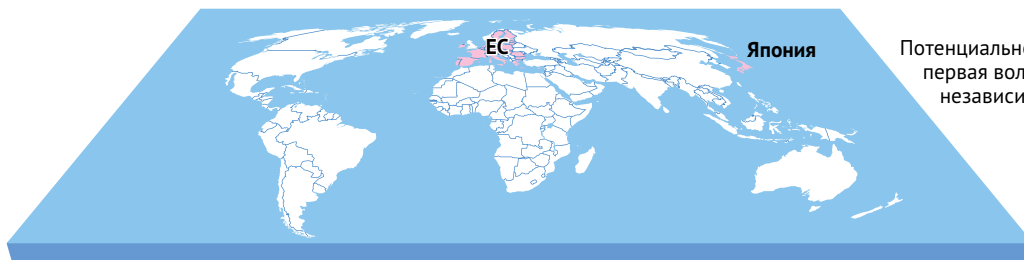
США и Китай — две ведущие экономики по ВВП

Россия, Китай и США входят в число лидеров в разработке вооружений и в военных расходах

Типы

Основные передовые экономики

Полюса

Потенциально также первая волна новых независимых государств

Особенности

ЕС является самым передовым и успешным интеграционным проектом в мире

ЕС и Япония являются центрами мировой экономической тройки, но их «вес» постепенно снижается

Европейские страны и Япония входят в число мировых лидеров по объёму расходов на НИОКР и уровню технологического развития

Стратегическая уязвимость и зависимость ЕС и Японии остаются: недостаточное обеспечение критическими элементами и энергетическими ресурсами

Типы

Восходящие региональные державы

Полюса

Особенности

Быстрый темп роста экономик, быстрое развитие

Каждая из стран претендует на военное и политическое лидерство на региональном уровне

Не Западный мир имеет значительный демографический потенциал

Ценности 2040 года

Смена поколений неизбежно приводит к изменению идей и установок. Хотя менталитет, как правило, представляет собой застывшую структуру, настроения, присущие сегодняшнему молодому поколению, окажут влияние на ценности, формирующие мир 2040 года. Прогресс в науке и технологиях помог значительно повысить уровень жизни и увеличить её продолжительность, сократить расстояния и создать иллюзию, что наш мир становится всё более предсказуемым и управляемым. Таким образом, главным изменением в менталитете молодого поколения стало восприятие будущего. Молодые люди перестают быть фаталистами, верящими в неподконтрольность перемен и событий, и смотрят на своё будущее как на процесс, содержание которого зависит от их личной ответственности и креативности и происходит вне заданных рамок или ограничений. В такой среде свобода становится основной ценностью для поколения, родившегося между 1997 и 2012 годами (поколение Z).

На практике это стремление к свободе проявляется в том, что сегодняшняя молодёжь отдаёт предпочтение бизнесу, а не государству. Предпринимательство для них есть путь к достижению финансовой независимости и автономии от государственных структур. Кроме того, карьеру в сфере бизнеса, по их мнению, делают наиболее умные, талантливые и способные люди. Не скованный бюрократическими ограничениями бизнес представляется им гибкой и адаптивной структурой, которая способна более эффективно реагировать на проблемы глобального мира и вызовы, стоящие перед обществом.

По мере роста значимости бизнеса и превращения городов в эпицентры деловой активности, сегодняшняя городская молодёжь представляет собой поколение индивидуалистов. Личностное развитие и успех становятся для молодых людей приоритетом. Однако этот индивидуализм двойствен. С одной стороны, он служит катализатором амбициозных устремлений, стратегических поисков и прорывных достижений. С другой – приводит к поляризации общества и фрагментации идентичности. Каждый человек, социальная группа и государство действуют в собственном уникальном «информационном пузыре», и эта тенденция будет нарастать не только в контексте географии или цивилизаций, но и внутри стран и социальных групп. Более того, экстремальные формы индивидуализма часто порождают равнодушие, и люди начинают чувствовать себя оторванными не только от работы, но и от политической жизни. Опросы общественного мнения говорят о снижении интереса к публичной политике среди современной молодёжи, которая всё глубже погружается в свой мир, изолированный от государственных дел.

Чувство отстранённости в сочетании с нарастающей поляризацией внутри социальных групп может спровоцировать кризис идентичности, который вызывает дезориентацию в идеях, идеалах и приоритетах, пагубно влияет на отношения с другими людьми и способствует ощущению онтологической незащищённости. Эта тревожность, по Жаку Лакану, ведёт к росту недоверия не только среди людей, между гражданами и их правительствами, но и выходит на уровень международного сообщества, порождая напряжённость и конфликты. Поляризация общества и фрагментация идентичности свидетельствуют о растущей изоляции в системах взглядов, предпочтений и в социальных кругах, что препятствует созданию общей национальной идентичности.

Несмотря на наличие отдельных информационных пузырей, концепции размытой и гибридной идентичности предлагают разные подходы к вопросам формирования личности. В концепции размытой идентичности сглаженные границы между различными категориями позволяют людям воплощать в себе смесь идентичностей из самых разных источников. Такое смешение создаёт изменчивое и менее фиксированное самоощущение, помогая преодолевать жёсткие рамки и изоляцию. Гибридная идентичность сочетает различные влияния и формирует уникальную интегрированную идентичность, которая отражает адаптивность, выходящую за пределы изолированных мировоззрений.

Если фрагментация идентичности обусловлена изоляцией и разделением, то размытая и гибридная идентичности подчёркивают взаимосвязанный и адаптивный характер современного процесса формирования личности. Признаётся необходимость навыков, позволяющих ориентироваться в различных влияниях, без ухода в информационные пузыри. Однако этот процесс может привести к кризису идентичности, породить неопределённость и дезориентацию в идеях, идеалах и приоритетах. Когда люди воспринимают других как не соответствующих установленным нормам, возникает недоверие, обостряющее чувство неуверенности.

Западные модели системы ценностей, начиная от «американской мечты» до европейских вариаций «социальной рыночной» экономики, потеряли былую универсальную привлекательность, что чётко проявляется в культуре отмены, широко распространённой в западных обществах. Изначально задуманная как средство повышения ответственности и обеспечения маргинализированным сообществам возможности быть услышанными, данная практика превратилась в культуру цензуры, что усугубляет эрозию адаптивности универсализма. В настоящее время универсализм направлен на подавление различных точек зрения. Ситуации, когда люди сталкиваются с культурой отмены за выражение мнений, не совпадающих с мейнстримными, подчёркивают трудности, стоящие перед системой западных ценностей при попытках

аккумулировать различные воззрения. Сущность данной модели состоит в её рефлексивности, революционном характере и продуктивности. На протяжении эпохи глобализации данная система ценностей претерпевала саморефлексию, самоотрицание и самосозидание и входила в диалектические конфликты между собой и другими, внутренней и внешней динамикой, универсальным и частным. То разрывая, то творчески восстанавливая свои культурные основы, западная модель расширила своё влияние в Европе и вышла на международную арену, создав на основании её специфики динамическую форму универсализма.

В наши дни в процессе модернизации механизм динамического равновесия универсализма сталкивается с вызовами. Нынешний лидер глобального порядка сопротивляется дискурсу и не желает интегрировать успешный опыт различных регионов, воспринимая его как угрозу. Одновременно западная система ценностей, прекратившая своё циклическое развитие, пытается создать новые концептуальные рамки для вновь возникающих социальных рисков, акцентируя внимание на процессе в ущерб сути. Потеря гибкости в универсализме приводит к отрыву от реальности и ограничивает богатые коннотации таких понятий, как «свобода», «демократия» и «социальная справедливость».

Требования различных стран приступить к решению реальных проблем подтверждают глобальное разочарование в западной модели. Это неполитизированное движение стремится восполнить недостающий аспект универсализма с помощью устойчивого развития. Трещины в *Pax Americana* и «децентрализация» в трансформации мирового порядка являются побочным продуктом данного процесса. Проблемы будут возникать до тех пор, пока не будет достигнуто новое динамическое равновесие системы ценностей.

К счастью, существует множество источников глобального вдохновения и сил, способных способствовать восстановлению этого равновесия.

1. *Прощение*: Необходимое для будущего, прощение является постоянно возникающей темой, встречающейся в различных регионах. Практика Комиссии по установлению истины и примирения Южной Африки «обменивать правду на свободу» является примером африканской традиции восстановительного правосудия, она основана на исцелении, восстановлении баланса и нормализации отношений в духе Убунту²⁶. Прощение способствует началу диалога, облегчает изложение правды, помогает преодолеть предвзятость и возобновить общение.

²⁶ Южноафриканское направление этики и гуманистической философии, уделяющее особое внимание понятиям верности и лояльности в отношениях между людьми.

2. *Устойчивость*: Рождение нового порядка требует самоотверженности, мужества и способности к преобразованиям. Это качество, присущее жизнестойким цивилизациям, исторически зависело от внешних стимулов. В наше время способность самостоятельно мыслить крайне важна для восстановления устойчивости при переходе от старых систем к новым структурам.

3. *Терпение*: Формирование и трансформация нового порядка ставят вопрос о графике движения к преображённой системе ценностей человечества. Острая проблема современного общества – время, прежде всего в плане его осмысленного препровождения. Но именно по этой причине достаточного внимания не уделяется чувствам, что сводит фактор человека к категории средств, а не целей. Чтобы преодолеть это свехупрощение, необходимо терпение и признание ценности чувственных переживаний наряду с мыслительными процессами.

4. *Принятие*: Формирование мультимодельного мирового порядка требует утверждения разнообразия. В индийской культуре термин «Васудхайва Кутумбакам»²⁷ подтверждает ценность всех форм жизни, будь то человек, животное, растение или микроорганизм, и их взаимосвязь на Земле и во Вселенной. Данная концепция, исходящая из принципа «мир – одна семья», формирует чувство всемирного единства, сострадания и взаимопонимания.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

К 2040 году мировой порядок претерпит существенные изменения. Сформируется ряд техноэкономических блоков, которые будут отдавать приоритет суверенитету, превращая традиционные государствоцентричные структуры в локализованные объединения разного рода. Параллельно в регионах, не имеющих суверенитета, появятся группы, выступающие за создание глобальных гражданских обществ, что приведёт к обострению конкуренции между блоками, борющихся за экономическое и политическое влияние.

Для молодого поколения, особенно поколения Z, личная свобода и независимость будут иметь первостепенное значение, и к 2040 году самым популярным видом деятельности среди молодёжи станет предпринимательство, а не работа в традиционных государственных структурах. Этот растущий

²⁷ *Vasudhaiva Kutumbakam* – в переводе с санскрита означает: «Мир – это одна семья».

индивидуализм углубит социальную поляризацию и приведёт к переоценке универсалистских подходов, доказавших свою неэффективность. Большое внимание будет уделяться диалогу, вопросам терпимости и многополярности, призванным способствовать росту уважения к ценностям представителей разных культур в изменяющемся мире.

К 2040 году сложится фрагментированный научно-технический ландшафт с отдельными блоками. Россия, Соединённые Штаты и Китай займут лидирующие позиции в области искусственного интеллекта и цифровых технологий, способствуя обострению конкуренции на развивающихся рынках Африки и Латинской Америки посредством создания уникальных «технологических экосистем».

Научный прогресс, размывающий границы между гражданскими и военными технологиями, откроет новую эру глобальной конкуренции в военной области. Этот процесс, охватывающий искусственный интеллект, био-, квантовые и другие технологии, усилит глобальную напряжённость и породит конфликты. Будут взяты на вооружение стратегии гибридной, информационной войны, подпороговых действий.

Мировой экономический порядок к 2040 году адаптируется к условиям постоянной нестабильности, оперативно реагируя на возрастающие риски и стабилизируя обстановку в посткризисных ситуациях. Многоуровневая фрагментация, обусловленная региональной экономической интеграцией на основе общих ценностей, приведёт к быстрой реконфигурации цепочек поставок под влиянием различных ограничительных мер. Кроме того, к 2040 году в асинхронной многополярности экономического ландшафта наметится консолидация вокруг ключевых держав – Китая, Соединённых Штатов и России. Эта трансформация будет сопровождаться широкомасштабной цифровизацией, подчёркивающей блоковый характер технологического прогресса. Кроме того, сохранится тенденция размывания границ между гражданскими и военными технологиями.

 Valdai_Club
 valdaiclub
 valdaiclub
 valdaiclubcom
 Международный
дискуссионный
клуб «Валдай»
admin@valdaiclub.com